

Л. В. Герашко

О ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ЗАМЫСЛЕ В. Г. ЧЕРТКОВА В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ЕГО АРХИВА

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся материалы, зарегистрированные как архив князя Д. А. Хилкова, последователя Л. Н. Толстого.

Они были получены из Рукописного отделения БАН, где в годы первой мировой войны и революции скопились переданные туда архивы учреждений и частных лиц, а также документы, принятые заведующим Рукописным отделением В. И. Срезневским от их владельцев на временное хранение; в 1926 г., в связи с готовившейся реорганизацией архивохранилища,¹ Президиум АН СССР принял решение об их разборке и частичном описании, после чего некоторые из них были возвращены владельцам, бóльшая же часть, в соответствии с решением Президиума от 23 марта 1931 г., поступила в Архив АН СССР для дальнейшего распределения по принадлежности между академическими и неакадемическими учреждениями.²

В Пушкинский Дом материалы по истории литературы передавались с апреля 1931 по 1934 г. Многие из них имели отношение к жизни и деятельности Л. Н. Толстого и его сподвижников.³

¹ В связи с реорганизацией в 1931 г. Рукописный отдел БАН стал общеакадемическим хранилищем рукописной и старопечатной книги.

² Подробно об этом см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 48.

³ Крупнейшим из «толстовских» поступлений было собрание Толстовского музея, который с 1919 г. числился в составе РО БАН. Несколько сотрудников музея занимались описанием его коллекций, подготовкой публикаций и обслуживанием читателей. Возглавлял работу непосредственно В. И. Срезневский, который с 1912 г. был председателем Совета музея.

24 июня 1931 г. заведующая архивом Института новой русской литературы Е. В. Михайлова приняла архивные документы, ранее хранившиеся в БАН.⁴ В перечне «Описанные архивы и коллекции» под № 35 числился архив Владимира Григорьевича Черткова (1854—1936), друга и сподвижника Л. Н. Толстого, писателя, публициста, основателя издательства «Посредник» (1884), и Ивана Михайловича Трегубова (1858—1931), последователя Толстого, историка сектантства, помощника Черткова в издательских делах, под № 41 — архив Е. И. и Г. И. Чертковых,⁵ а среди неописанных материалов под № 35 — «1 пакет с бумагами Хилкова».

В 1987 г. началась научно-техническая обработка архива Д. А. Хилкова, и сразу же выявилось тематическое единство документов: все они имели отношение к отнятию правительством детей у Д. А. Хилкова и его гражданской жены Ц. В. Винер.

Дмитрий Александрович Хилков (1857—1914),⁶ потомок древнего княжеского рода Хилковых-Ряполовских, после окончания Пажеского корпуса был зачислен в Лейб-гусарский полк. Узнав, что полк не будет участвовать в военных действиях против Турции, в 1877 г. он попросил о переводе в действующую армию на Кавказ. В «Записках», имеющихся в архиве, Дмитрий Александрович подробно освещает этот период своей службы. Именно тогда он пережил событие, перевернувшее всю его жизнь, направившее мысли в новое русло, — гибель от его руки пленного турка, воспринятую им не как уничтожение врага, а как убийство человека. Характерен эпизод, также отраженный в «Записках»: испытывая отныне отвращение к пролитию крови и находясь в то же время в действующей армии, Хилков обратился за советом к товарищу по полку. Тот рекомендовал ему, участвуя в деле, не применять оружие даже для самозащиты. Это условие девятнадцатилетний юноша выполнил.

Хилков подал в отставку, но не прошло и семи месяцев, как пришлось снова вступить в военную службу: бывший его однополчанин принц Ольденбургский получил линейный казачий полк и занимался его формированием. Зная князя как прекрасного офицера, он обратился с просьбой к импера-

⁴ Архив АН СССР, ф. 158, оп. 3 (1931), № 37, л. 162 (передаточная опись).

⁵ Фонд числится как принадлежащий родителям В. Г. Черткова.

⁶ Точную дату рождения Д. А. Хилкова (13 ноября 1857) установила по архивным данным О. Н. Недогарко, см.: *Недогарко О. Н.* Он сотрудничал в ленинской «Искре»//Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 140.

тору, и по именному повелению Хилков был зачислен в полк. Окончательная отставка последовала лишь в 1884 г.

Поселившись в имени матери — в селе Павловки Сумского уезда Харьковской губернии, князь продал часть выделенной ему земли крестьянам, а на оставшихся семи десятинах построил хутор и начал хозяйствовать на крестьянский лад. Человек трезвого ума и практической складки, он довольно быстро завоевал доверие общины, постоянно помогал ей в конфликтах с местной администрацией и соседними помещиками. Этим дело не ограничилось: Хилков, переживший глубокий внутренний переворот, пытавшийся построить жизнь в соответствии с новыми убеждениями, оказался в центре религиозно-нравственных исканий части местных крестьян, которые читали Евангелие и, собираясь вместе, толковали его в духе христианского социализма.

В 1886 г. Хилков прочитал французский перевод книги Л. Н. Толстого «В чем моя вера?», которая явилась для него откровением, в то же время глубоко отвечая его собственным мыслям и жизненной практике. С этого времени князь стремился получить все последние сочинения писателя, ходившие по рукам в списках, хотел написать ему, мечтал о встрече и разговоре.

Вскоре Л. Толстой, узнавший о Хилкове от П. И. Бирюкова,⁷ сам написал Дмитрию Александровичу: «...я давно уже знаю Вас, люблюсь, радуюсь, эгоистически радуюсь, чую товарища, работника, облегчающего, ускоряющего работу моей жизни».⁸

Суть своего отношения к Толстому Хилков выразил в одном из первых писем к нему: «Вы меня научили, т. е. показали истину и свели в целое разные отрывки и кусочки, но я Вас не за это люблю и уважаю. За это я Вам благодарен. Мне кажется, что если бы Вы ни строчки не написали бы, то и тогда, узнавши Вас, я бы не меньше Вас любил».⁹

⁷ Павел Иванович Бирюков (1860—1930), друг и сподвижник Л. Толстого, состоял в переписке с Н. Ф. Джунковским, двоюродным братом Хилкова, пересылавшим Бирюкову письма князя, в которых отражалось его новое мировоззрение. С позволения Джунковского Бирюков познакомил с этими письмами Л. Толстого. 1 ноября 1886 г. Л. Толстой писал Н. Н. Ге: «Людей и братьев по вере все прибывает. Ныне усхал один лейб-уланский блестящий офицер Джунковский, едет к Хилкову. Хилков же еще более блестящий, богатый князь (...), который бросил все и живет на крестьянском наделе, работая с мужиком. Человек большого ума и образования и большой силы добра» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 63. С. 402*).

⁸ *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 63. С. 133.*

⁹ Письмо Д. А. Хилкова от 19 декабря 1887 г. см.: Государственный музей Л. Н. Толстого (ГМТ), фонд Л. Н. Толстого. Переписка Л. Н. Тол-

За короткое время князь лично познакомился с единомышленниками Толстого — В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым, И. И. Горбуновым-Посадовым, Н. Н. Ге и другими. Между ними завязалась переписка, начался обмен религиозной литературой, запрещенными произведениями Толстого, трудами по социологии, сведениями об экономическом и политическом положении крестьян, о старых и новых религиозных сектах, главным образом рационалистического толка, близких к толстовству.

Еще во время службы на Кавказе, князь заинтересовался жившими там духоборами и молоканами, высланными из России в XVIII в. Поселившись на хуторе, он продолжал изучать их историю и религиозно-этическое учение. В 1887 г. в машинописном сборнике «Всходы» появилась его статья «Краткое исповедание духовных христиан».¹⁰

В 1888 г., гостя у Н. Ф. Джунковского, Д. А. Хилков познакомился с его свояченицей Цецилией Владимировной Винер, и в январе 1889 г. она стала его женой. Оба отрицали церковную обрядность, поэтому не венчались и впоследствии детей своих, Бориса и Ольгу, отказались крестить, несмотря на уговоры княгини Хилковой. Дети считались незаконно-рожденными, лишались княжеского титула, состояния бабки и положения в свете.

Живя на хуторе, Д. А. Хилков занимался последовательной пропагандой своих религиозных убеждений, не вполне совпадавших с учением Толстого.¹¹ Он оказал непосред-

стого и Д. А. Хилкова продолжалась с 1886 по 1905 г. Чрезвычайно интенсивная и доверительная по тону в первые годы, к началу 1900-х годов она почти прекратилась из-за идейного расхождения корреспондентов. В это время Д. А. Хилков вступил в партию социалистов-революционеров, но пробыл в ней недолго, убедившись в несоответствии их целей и средств своему духовному идеалу. Знаменательно, что в результате религиозных исканий Хилков пришел к православию; когда началась 1-я мировая война, отправился добровольцем на фронт и погиб в районе Перемышль-Карпаты в октябре 1914 г.

¹⁰ «Духовные христиане» — группа христианских сект, куда входили духоборы, молокане, христоверы, скопцы. Вероучение основано на «духовном» толковании Священного Писания. Бог представляется им как вездесущий дух, душа человека — как частица этого духа. Божественная сущность Христа не признается. Вера во вселение Святого Духа в избранных живых людей, духовные христиане создают своих вождей и пророков. Так духоборы обожествляли своих религиозных руководителей, власть которых передавалась по наследству. Толстого и его окружение интересовали фигуры Л. Калмыковой, В. и П. Веригиных. С последними двумя Толстой, Бирюков, Чертков и Трегубов состояли в переписке.

¹¹ В задачу настоящей статьи не входит анализ влияния религиозно-этического учения Л. Толстого на революционизацию крестьянства. Этот вопрос, в связи с деятельностью издательства «Посредник» по распространению произведений Толстого среди крестьянства, рассмотрен в кн.: *Базанов В. Г. От фольклора к народной книге*. Л., 1973. С. 297—319.

ственное влияние на возникновение в Павловках религиозной секты, по своему характеру примыкавшей к широко распространившемуся в это время на юге России и в Малороссии движению младоштундистов.¹² Распространение сект, на первый план выдвигавших этическую сторону учения Христа, было симптоматично накануне революции. Издавна социальный протест крестьян облекался в религиозную форму: люди равны перед Богом, земля общая, божья, чиновничество и духовенство скрывают от народа божью правду о земле и воле — подобные формулировки отражали и социальные и экономические причины народных выступлений. В борьбе с распространявшимися ересями активно участвовало правительство, наряду с обличениями и увещаниями церкви используя свои меры — тюрьму, ссылку, карательные отряды, справедливо усматривая в оживлении антицерковного движения среди крестьянства угрозу существующему строю.

Началось выселение сектантов в Сибирь и на Кавказ. Опасность нависла и над Хилковым, который, помимо всего, вмешивался в дела местных властей, выступая на стороне крестьян. Высылка эта, несколько отодвинувшаяся благодаря хлопотам его матери, состоялась в октябре 1892 г. Местожительством ему было назначено духоборское село Башкичет Борчалинского уезда Тифлисской губернии, куда через полгода приехала и Цецилия Владимировна с детьми.

На Кавказе князь продолжал свои занятия по изучению истории и вероучений различных сект, поддерживал активную переписку с единомышленниками, сообщая о жизни и настроениях духоборов, мнения о прочитанных книгах, распространял среди местного населения издания «Посредника».

20 октября 1893 г. по прямому указанию императора Александра III, в удовлетворение ходатайства матери Хилкова княгини Ю. П. Хилковой, у родителей были отняты дети и переданы на воспитание бабушке. Все меры, предпринятые для их возвращения, оказались безрезультатными.¹³

¹² Характеристику этого направления в антицерковном религиозном движении и роли в нем Д. А. Хилкова дает П. И. Бирюков в книге «Биография Льва Николаевича Толстого» (М., 1922. Т. 3. С. 203—204).

¹³ Управляющий Комиссией прошений императорской канцелярии Д. С. Сипягин сообщил В. Г. Черткову в ответ на его ходатайство: «... мера эта была направлена исключительно к ограждению малолетних детей от посягательства на их неотъемлемые права со стороны родителей, увлеченных убеждениями и взглядами, нетерпимыми в христианском государстве (...). Ныне малолетние Борис и Ольга (...) окрещены в православную веру, по Высочайшему приказу Правительствующего Сената от 24 ноября 1894 г. причислены к дворянскому роду князей Хилковых и получают воспитание и образование, приличное их рождению, званию и состоянию» (письмо от 23 мая. 1895 г., из «бумаж Хилкова»).

В хлопотах принял активное участие Л. Н. Толстой. Он написал конфиденциальное письмо императору, поддерживал и поощрял работу В. Г. Черткова, взявшегося за составление записки на Высочайшее имя и написание книги об отнятии детей Хилковых, которая, в случае неуспеха записки, должна была привлечь к происшествию внимание широкой общественности в России и за рубежом.¹⁴

Для того чтобы объяснить, как Д. А. и Ц. В. Хилковы пришли к отрицанию официальной религии и государства, Чертков решил обратиться к истокам: начал собирать сведения о родословной князя, о его ближайших родственниках, чтобы в наследственных чертах и склонностях найти объяснение поступкам, которые не вытекали из его воспитания и обстоятельств жизни. Упомянувшиеся «Записки» также были написаны Д. А. Хилковым по просьбе В. Г. Черткова. Воспоминания о семье, детстве, образовании, жизни до замужества написала Цецилия Владимировна и ее сестра Елизавета Владимировна Джунковская. Сведения о Ю. П. Хилковой сообщили ее сестра и племянник — Е. П. и Н. Ф. Джунковские.

Поскольку одним из серьезных обвинений против родителей было якобы небрежное отношение к здоровью и воспитанию детей, Чертков обратился к свидетелям жизни Хилковых на хуторе и в селе Башкичет с просьбой поделиться своими наблюдениями. Чтобы восстановить картину отнятия детей и хлопот об их возвращении (поездка Цецилии Владимировны в Петербург и др.), Чертков просил Хилковых собрать их письма той поры, что и было выполнено.

Завершить книгу предполагалось описанием повторной ссылки Д. А. Хилкова — в г. Вейсенштейн Эстляндской губернии в апреле 1896 г.

В результате двухлетней подготовительной работы у Черткова скопилось большое количество подлинных документов. Работа над книгой подходила к концу: был составлен корпус, написаны вступление и заключение, сделан необходимый комментарий. На многих листах встречаются пометы «в набор», «мелким шрифтом» и другие.

¹⁴ В письме В. Г. Черткову от 24 декабря 1893 г. Толстой писал: «Сейчас писал Хилкову о том, что вы хотите описать, то что сделано над ним. Это прекрасно, и вы сделаете это прекрасно. Только надо делать это поскорее. А так широко, как вы захватили, это м(ожет) б(ыть) исполнено не скоро» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 87. С. 249). Толстой обращается к этому вопросу в течение всей работы Черткова над книгой (см. Т. 87. С. 235, 287, 328, 373; Т. 67. С. 28, 668—669, 125 и др.).

Последние по времени материалы относятся к концу 1896 г., а 3 февраля 1897 г. Черткову объявили о высылке из России.¹⁵ Накануне у него произошел обыск, во время которого полиция изъяла материалы о преследованиях за религиозные убеждения, хранившиеся в целях предосторожности у разных лиц и лишь незадолго до обыска воссоединенные для подготовки к печати. В руках полиции оказались и те документы, которые были собраны для книги о похищении детей Хилковых.¹⁶

После изучения материалов Д. А. Хилкова, переданных в Пушкинский Дом из Рукописного отделения БАН, не осталось сомнений, что они принадлежат к архиву В. Г. Черткова, — к части, пропавшей во время предтюремного обыска: это главным образом подлинные документы, к которым приложены полные и частичные копии, сделанные И. М. Трегубовым и другими помощниками Черткова, с редакторскими пометами последнего.

Основную часть материалов составляют письма Хилковых и к ним, среди которых особый интерес представляет переписка Д. А. Хилкова с В. Г. Чертковым и И. М. Трегубовым, письма к князю крестьян села Павловки. Здесь же биографические материалы о Д. А. и Ц. В. Хилковых — автобиографические записки, сведения о них, сообщенные родственниками и знакомыми, и др.

Среди бумаг находятся несколько редакций записки В. Г. Черткова на высочайшее имя, варианты вступления и заключения к книге.

До передачи в 1926 г. в Государственный музей Л. Н. Толстого здесь же были 23 письма Д. А. Хилкова Л. Н. Толстому.

Попытки проследить судьбу «бумаг Хилкова» с момента их изъятия при обыске в 1897 г. до первого упоминания

¹⁵ Одновременно с В. Г. Чертковым был выслан П. И. Бирюков, несколько позже арестован скрывавшийся И. М. Трегубов. Поводом послужило составленное ими воззвание «Помогите!» о бедственном положении духоборов на Кавказе. После волнений 1895 г., когда духоборами было публично сожжено оружие в знак отказа от присяги и воинской службы, часть из них была выселена в глухие татарские и грузинские села, где из-за отсутствия заработков, распространения инфекций и проч. люди начали вымирать: из 4000 переселенных к 1896 г. умерло 400 человек. Воззвание «Помогите!» было размножено и разослано высшим чиновникам Петербурга. Результатом явился приказ о высылке авторов.

¹⁶ Об этом рассказывает сам Чертков в предисловии к зарубежному изданию работы «Похищение детей Хилковых» Maldon, Purleigh, Essex, 1901). Первоначально она была издана в сборнике «Свободное слово» (1898. № 1), а затем уже отдельной брошюрой.

в инвентарной книге Рукописного отделения БАН в 1931 г.¹⁷ наталкиваются на серьезные трудности. Поиски среди архивных материалов Департамента полиции пока не дали результатов, а состояние архивной документации тех лет не позволило узнать определенно, каким образом интересующая нас часть чертковского архива оказалась в РО БАН. Однако некоторые косвенные свидетельства все же имеются. Так, история поступления в БАН архива В. Г. Черткова изложена в докладной записке заведующего Рукописным отделением В. И. Срезневского директору Библиотеки о возвращении В. Г. Черткову материалов Л. Н. Толстого, хранящихся в БАН:¹⁸ «Вся совокупность рукописей, сданных в разное время мне на хранение В. Г. Чертковым, представляет собой 4 отдельных фонда:

1. Обширная коллекция рукописей Л. Н. Толстого, в 1913 году привезенная В. Г. Чертковым в Петербург из Англии, где хранилась с 1900-х годов на вилле его матери в местечке Крейсчер близ Лондона (143 папки) (...)

2. Часть коллекции писем к Толстому. Кроме самих писем в сундуках находятся каталоги, сделанные секретарями Толстого.

3. Сундук с личными бумагами Черткова.

4. Ящик с бумагами В. Г. Черткова и письмами разных лиц к нему, спасенными мною в 1918 г. из дома его матери Е. И. Чертковой, захваченного служащими Балтийского завода».

Для пояснения к последнему пункту приведем фрагмент письма В. Г. Черткова В. И. Срезневскому от 5 августа 1914 г., когда, тревожась по поводу возможной осады Петербурга, он пишет: «...у меня хранятся в деревянном доме моей матери в Гавани четыре или пять чемоданов с бумагами моими личными и такими оригиналами Льва Николаевича, которые по моему уговору с Александрой Львовной составляют мою собственность, а также с серией книг с собственноручными отметками Льва Николаевича. Весь этот материал подлежит предварительной разборке с моей стороны раньше дальнейшей наиболее целесообразного распоряжения бумагами. Разумеется, оригиналы Льва Николаевича занимают только незначительную часть этих пяти чемоданов, но в моих личных бумагах, в числе всей моей корреспонденции за много лет, имеется много материала, от-

¹⁷ Можно предположить, что «бумаги Хилкова» не были инвентаризованы до 1931 г. потому, что причислялись к имуществу частных лиц, находившемуся в РО БАН на временном хранении.

¹⁸ ЛО Архива АН СССР, ф. 158, оп. 3 (1926), № 43.

носящегося до жизни Льва Николаевича, и этот материал перемешан с остальным. А потому в интересах сохранения как самих оригиналов и помеченных книг Льва Николаевича, так и сведений о его жизни, которые имеются только у меня, необходимо сохранить в безопасности все эти четыре или пять чемоданов с бумагами. Ввиду этих соображений не признает ли Академия возможным принять эти чемоданы *на хранение* в комнату Толстого в Академии, с тем чтобы с ними было поступлено совершенно так же, как и с имеющимися там бумагами Льва Николаевича, в случае если последние будут перевезены в более безопасное место. В случае утвердительного ответа я поставил бы условием, чтобы чемоданы эти были приняты на хранение в запечатанном мною виде до тех пор, пока я не успею сделать выборки бумаг, относящихся более непосредственно к Льву Николаевичу, после чего все свои личные, не относящиеся к нему бумаги и письма я принял бы к себе обратно. При этом, разумеется, я просил бы о том, чтобы никто не открывал эти чемоданы до того, как я лично просмотрю и приведу в порядок содержимое в них». ¹⁹ Судя по всему, такая мера не понадобилась, и материалы пролежали в доме Е. И. Чертовой до 1918 г.

Как уже упоминалось, в 1931 г. Пушкинский Дом принял на хранение «архив Черткова и Трегубова» и архив Чертковых. Зарегистрированы они были как фонд Е. И. и Г. И. Чертковых и фонд И. М. Трегубова, однако бóльшая часть хранящихся в этих фондах документов представляет собой единый комплекс: за исключением бумаг, относящихся к семейным делам Чертковых (переписка членов семьи, хозяйственные документы и др.), все это материалы о преследовании сектантов в России и по истории сектантства, письма духовоборов В. Г. Черткову и И. М. Трегубову, экземпляры воззвания «Помогите!», подготовительные материалы к книге Черткова «Напрасная жестокость» о преследованиях правительством за отказ от воинской службы, рукописные копии произведений Л. Толстого и др. Последние по времени материалы этой части архива датированы февралем 1897 г.

Известно, что Трегубов почти весь 1896 год жил на хуторе Ржевск близ станции Россоша Воронежской губернии, у Черткова, занимаясь сбором и копированием материалов для книг о сектантах, о детях Хилковых и других, вел обширную переписку.

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 3026.

25 декабря 1896 г. П. И. Бирюков написал Трегубову: «Меньшиков²⁰ уже почти приготовил к изданию книгу о гонениях <...> Ее осталось только пополнить вновь накопившимися материалами и потому Влад<имир> Григ<орьевич> просит Вас безотлагательно прислать ему в Петербург²¹ все, что у Вас есть. Как переписанное, так и не переписанное, чтобы не задерживать составление книги в окончательном виде. Материал, который вновь получится Вами, уже пойдет во 2-й том или во 2-е издание ее. Необходимо остановиться, чтобы дать книге определенный вид».²² А всего через пять дней, 30 декабря, он снова напоминает и торопит: «Дорогой Иван Михайлович, мы с Владимиром Григорьевичем решили просить Вас по возможности безотлагательно, с получением этого письма, захватив весь имеющийся у Вас как духоборческий, так и вообще сектантский материал, переписанный и не переписанный, ехать к нам в Петербург.

Причины следующие: редактируя теперь в Петербурге духобор<ческий> материал, я по необходимости должен запрашивать Е<лену> П<етровну>²³ по некоторым вопросам. Вы делаете это со своей стороны, и ей приходится отвечать в два места иногда на одно и то же; далее — весь материал, кот<орый> теперь нам необходимо иметь под рукой и своевременно, проходит совершенно ненужную инстанцию — Россошу и Ржевск и этим задерживается. <...> Через несколько времени я должен буду отлучиться по своим личным делам, и В<ладимир> Г<ригорьевич> не может остаться без человека, знакомого с этим делом».²⁴

Трегубов откликнулся на зов, о чем свидетельствует его письмо к Е. П. Накашидзе от 9 января 1897 г.: «...сейчас я тороплюсь, ибо через 2 дня (11-го) должен ехать в Петербург по вызову В<ладимира> Г<ригорьевича> и П<авла> И<вановича> на помощь им <...>. В Петербурге я, вероятно, буду жить на одной квартире с Вл<адимиром> Гр<игорьевичем> до самой Пасхи, а потом, д<олжно> б<ыть>, опять приедем в Ржевск».²⁵

²⁰ Меньшиков Михаил Осипович (1859—1919) — журналист, впоследствии сотрудник газеты «Новое время». На короткое время сблизился с кругом Л. Н. Толстого.

²¹ 20 декабря 1896 г. В. Г. Чертков выехал в Петербург, чтобы самому проследить за печатанием книг «Напрасная жестокость», «Похищение детей Хилковых» и о преследовании духоборов.

²² ИРЛИ, ф. 330.

²³ Накашидзе Елена Петровна — последовательница Л. Н. Толстого, жившая в Тифлисе, впоследствии жена И. М. Трегубова.

²⁴ ИРЛИ, ф. 330.

²⁵ Там же.

Трегубов выехал в Петербург. Однако имеется косвенное свидетельство, пока не подтвержденное более достоверными данными, что во время путешествия состоялся обыск, и материалы были изъяты. В фонде № 330 хранится письмо духобора И. Е. Конкина к И. М. Трегубову: «Сердечно сожалеем о вашем горе, которое постигло вас на пути из Россоши в Москву <...>, что у тебя отняли все то, что было дорого и мило твоей душе <...> и то, что писано на бумаге, не принесет им никакой пользы».

Итак, возможно, что трегубовская часть материалов попала в руки полиции несколько раньше, а через некоторое время и остальные были взяты на квартире Черткова во время предотъездного обыска. Подтверждением служит записка, найденная в одной из книг в архиве Трегубова:

«Архив Трегубова и Черткова. (Из Деп<артамента> Пол<иции> 1915 г.).

II. а) Матер<иалы> духоборч<еские> и баптистск<ие>.

б) против войны (Даймонт и др.) и религиозно-нравственные (Ернсфельт, Баллу).

в) Архив Толстого, списки произведений и переписка Толстого.

г) Из бумаг Трегубова.

Законч<ено> описание 24 июля 1915 г.».²⁶

Казалось бы, эта записка все ставит на свои места. Но римская цифра II в списке указывает на существование по крайней мере еще одной группы материалов, полученных из Департамента полиции. Определить ее содержание по документам БАН в ЛО Архива АН СССР не удалось. Возникает и другой вопрос: почему материалы были возвращены полицией и оказался в Академии наук? Возможно, на него помогут ответить письма В. Г. Черткова, хранящиеся в ЦГАЛИ. Первое из них — В. И. Срезневскому, от 23 мая 1914 г.: «Посылаю Вам наконец мое письмо к министру внутренних дел с приложением списка. Пожалуйста, поступите с ним, как было условлено, т. е. отправьте мое письмо министру внутренних дел тогда, когда будете посылать от Академии соответствующую бумагу.»²⁷

Только вот что: Елизавета Владимировна Молостова²⁸ просила меня сообщить ей, когда эти бумаги пойдут в ход,

²⁶ ИРЛИ, ф. 331.

²⁷ Следы этого письма и прошения от Академии наук пока обнаружить не удалось, в то время как эти материалы, без сомнения, подробно освещают обстоятельства дела.

²⁸ Е. В. Молостова (урожд. Бер, 1873—1936) — этнограф, историк сектанства. С 1910 г. действительный член Русского географического общества по отделению этнографии. С 1928 г. состояла в Комиссии по

для того чтобы она могла одновременно с этим снести с соответствующим департаментом и напомнить там об их обещании посодействовать осуществлению этого дела. В виду того что это в высшей степени важно, я полагал бы лучше повременить отсылкой этих бумаг (как от Академии, так и от меня) до получения уведомления от Е. В. Молоствовой, что она сделала обещанное. Но дело в том, что в настоящую минуту она находится за границей, и мне ее адрес неизвестен. Сегодня пишу П. И. Бирюкову, чтобы узнать.²⁹ Узнавши, я ей напишу, и тогда, по получении от нее ответа, что она исполнила требуемое, можно будет дать ход нашим бумагам. В виду этого очень прошу Вас задержать эти бумаги до получения Вами от меня известия, что Е. В. Молостова написала нужное письмо.³⁰ <...> Когда будете отправлять мое письмо к министру, обозначьте, пожалуйста, на нем число».³¹

К письму приложена недатированная «опись вещественным доказательствам, найденным по обыску на квартире, занимаемой отставным штабс-ротмистром Лейб-гвардии конного полка Владимиром Григорьевичем Чертковым». Под № 50 в описи значатся «рукописные и отпечатанные на машинке материалы по делу Хилкова (в ручном саквояже черной кожи)». Этот саквояж находился в сундуке вместе с заграничными изданиями произведений Л. Толстого и материалами о духоборах. Атрибуция, сделанная обработчиком, показывает, что перед нами «опись книг и материалов, обнаруженных у В. Г. Черткова при обыске в 1914 году».

Итак, состоялся еще один обыск, и Чертков хлопочет о возвращении материалов, которые он называет «сектантским архивом», изъятым в 1914 г.? Но ведь подлинные, рукописные материалы, относящиеся к «делу Хилкова», пропали при обыске именно в 1897 г.! Об этом свидетельствует и сам В. Г. Чертков в предисловии к заграничной публикации брошюры «Похищение детей Хилковых»: «...после того, как вопрос о моей высылке был уже решен, утром того дня, когда мне должны были о ней объявить, я подвергся нападению со стороны подосланной русским правительством шайки жандармов, полицейских и сыщиков <...>. В числе

изданию Юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Используя обширные семейные связи, принимала активное участие в хлопотах об облегчении участи преследуемых правительством сектантов.

²⁹ Письмо к П. И. Бирюкову см.: ЦГАЛИ, ф. 41, оп. 1, № 110.

³⁰ Местонахождение письма не известно. В фонде Е. В. Молоствовой в Музее истории религии и атеизма (ф. 5) никаких материалов по этому вопросу нет.

³¹ ЦГАЛИ, ф. 436 (фонд Срезневских), оп. 1, № 3026.

захваченных бумаг находился весь материал для составлявшейся мною и почти уже оконченной книги о похищении детей друзей моих Дмитрия Александровича Хилкова и его жены Цецилии Владимировны, совершенном императором Александром III.

К счастью, за некоторое время перед тем я для большей безопасности отослал для сохранения в Англию копию с некоторой части этого материала, благодаря чему имею теперь возможность восстановить кое-какие уцелевшие осколки моей книги: мое предисловие к ней, записки Д. А. Хилкова о своей жизни, составленные им по моей просьбе, и некоторые письма, описывающие само похищение детей и отношение к ним их матери». ³² Что касается бумаг Хилкова в Пушкинском Доме — это подлинники с приложенными к части из них рукописными и машинописными копиями, по объему значительно превышающие опубликованные В. Г. Чертковым. То же относится и к документам из фондов И. М. Трегубова и Чертковых о преследованиях в России за религиозные убеждения.

Отнести имеющиеся материалы к обыску 1897 г. позволяет как датировка большей части документов (последние даты — январь — февраль 1897 г.), так и косвенные доказательства — например, отсутствие материалов о начавшемся в 1898 г. переселении духоборов в Канаду, ³³ которому толстовцы активно содействовали и широко освещали в печати. ³⁴ Самым же веским доводом является соответствие названий в полицейской описи имеющимся в фондах рукописям.

Отчасти этот вывод подтверждает и судьба основной части «сектантского архива» В. Г. Черткова: после смерти Владимира Григорьевича его сын, Владимир Владимирович, на протяжении ряда лет (1938—1949) передавал архив отца сначала в Государственный Литературный музей, а затем, после перераспределения его коллекций, в Центральный государственный архив литературы и искусства (с 1941 г.). ЦГАЛИ охотно приобрел литературно-публицистические и биографические материалы архива, но отказался от коллек-

³² Чертков В. Г. Похищение детей Хилковых. С. 3—5.

³³ О причинах и обстоятельствах переселения духоборов см.: Бюрокков П. И. Духоборцы. Сборник статей, воспоминаний, писем и других документов. Издание «Посредника». М., 1908. № 689. С. 23—164; Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1868. С. 191—212.

³⁴ Листки Свободного слова. Ноябрь 1898. Maldon, Purleigh. Essex 1898. С. 63.

ции «сектантских» документов.³⁵ Эта часть была передана в Государственную библиотеку В. И. Ленина.³⁶ В основном это документы «Архива по сектантству при редакции „Свободного слова“»,³⁷ снабженные соответствующим штампом и пронумерованные, — статьи, письма (подлинные и копии), вырезки из русских и иностранных печатных изданий, касающиеся нарушений свободы совести в России, освещавшие переселение духоборов в Канаду, сообщавшие о случаях отказа от воинской службы по религиозным убеждениям, о студенческих волнениях в Киеве и Петербурге, о переписи населения 1897 г., в связи с которой публиковались статистические данные о религиозных сектах.³⁸

«Архив по сектантству» формировался уже за границей из уцелевших от обысков документов и копий, а также корреспонденций, регулярно присылаемых В. Г. Черткову и П. И. Бирюкову из России.

Так о каком же «сектантском архиве» шла речь в приведенных письмах В. Г. Черткова: о том, который он привез из Англии, или о том, который был изъят в 1897 г.? Все факты свидетельствуют в пользу последнего, а возможность воссоединения обеих частей до 1914 г. маловероятна и не подтверждается никакими данными.³⁹

Вот пока все, что удалось узнать о судьбе трех фондов Рукописного отдела.⁴⁰ Она связана со структурными измене-

³⁵ Все материалы о передаче архива В. Г. Черткова в ЦГАЛИ находятся в деле фонда (ф. 552). Здесь же переписка по поводу материалов по сектантству.

³⁶ ГБЛ, ф. 435.

³⁷ Издательство «Свободное слово», учрежденное В. Г. Чертковым в Англии, толстовцы называли «заграничным „Посредником“». Оно занималось печатанием тех произведений Л. Н. Толстого и других авторов, которые не могли появиться в России по цензурным причинам.

³⁸ Альбомы с вырезками из «Архива по сектантству» хранятся в фонде издательства «Свободное слово» (Музей истории религии и атеизма, ф. 14, колл. 1, оп. 2, 80—85).

³⁹ Материалы, хранящиеся в Пушкинском Доме, представляют собой единый комплекс, несмотря на явные следы обработки, возможно в Толстовской комнате БАН (так были присоединены несколько единиц хранения с пометами «из Департамента полиции. 1917 г.» и некоторые другие). Напрашивается вывод, что, не касаясь самого факта обыска у В. Г. Черткова в 1914 г. (ряд обысков был произведен в это время у толстовцев в связи с их антивоенной пропагандой), атрибуция, сделанная обработчиком фонда Срезневских в ЦГАЛИ, в отношении данного случая ошибочна.

⁴⁰ Сказанное относится к той части фонда И. М. Трегубова, которая касается сбора сведений о сектантах и книги «Похищение детей Хилковых». История другой, незначительной по объему части вызывает ряд вопросов. Например, среди документов находится письмо М. В. Буланже (жена П. А. Буланже) от 1 марта 1897 г., написанное через месяц после предотъездного обыска у Черткова. Известно, что И. М. Трегубов, скры-

ниями в послереволюционные годы в архивном фонде страны, с историей Рукописного отделения БАН и деятельностью его заведующего В. И. Срезневского, благодаря которому уцелели многие ценнейшие архивы. Исследование помогает проследить судьбу малой части, отколовшейся от громадного архива В. Г. Черткова, что представляет интерес не только для изучающих издательскую деятельность толстовцев, но и для историков революционного движения в России.

ваясь от ареста, одно время жил в Москве у А. Н. Дунаева. Там же был при обыске изъят его архив. По одним данным — пачки отпечатанного воззвания «Помогите!» (*Дунаев Б. А. Люди и людская пыль вокруг Льва Толстого. М., 1927. С. 92*), по другим — вместе с брошюрами была и корзина с рукописями (*Меньшиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических течений. М., 1925. Ч. 1. Годы реакции. 1885—1898. С. 21*). Невозможно проверить, когда и где были воссоединены материалы: в Департаменте полиции, откуда они поступили как «архив Черткова и Трегубова», или при обработке в РО БАН. Основной архив И. М. Трегубова был передан в 1935 г. в Государственный Литературный музей его вдовой Е. П. Накашидзе. В 1954 г. материалы отошли к Музею истории религии и атеизма (ф. 13). Часть документов поступила туда же из Центрального антирелигиозного музея в 1958 г. Никаких сведений по интересующим нас вопросам среди этих документов обнаружить не удалось.